

Библиотека Классической Литературы

ДЖЕРОМ КЛАПКА ДЖЕРОМ

Трое в одной лодке,
не считая собаки

Трое на четырех колесах

Перевод с английского

Москва 2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Перевод с английского

Оформление суперобложки *Натальи Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы фрагменты работ художника *Оскара Блюма*

Джером, Джером Клапка.

Д40 Трое в одной лодке, не считая собаки ; Трое на четырех колесах : перевод с английского / Джером Клапка Джером. — Москва : Эксмо, 2021. — 448 с.— (Библиотека всемирной литературы).

ISBN 978-5-04-107763-1

Впервые «Трое в лодке, не считая собаки» были опубликованы в Англии в 1889 году и по сей день остаются непревзойденным образчиком английского юмора. Джером Клапка Джером написал уморительно смешную историю трех друзей, от скуки и вымышленных болезней сплавающих по Темзе, под впечатлением от собственного свадебного путешествия, проведенного на небольшой лодке. В то время «в моде» были нереалистичные персонажи Конан Дойла, Киплинга и Стивенсона, а обыкновенные и в чем-то даже заурядные друзья Джи, Джордж и Гаррис стали для английских читателей настоящими героями. Успех был оглушительным.

На сегодняшний день книгу не только перевели почти на все мировые языки — ее неоднократно экранизировали, адаптировали для сцены, телевидения и радио. Роман повлиял на множество юмористов и сатириков и к тому же способствовал развитию речного туризма.

Продолжение романа — «Трое на четырех колесах» о заграничном велотурне — в сборнике.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

- © Маркин С., вступительная статья.
Наследники, 2021
- © Салье В., перевод на русский язык.
Наследники, 2021
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-107763-1

Содержание

ДЖЕРОМ КЛАПКА ДЖЕРОМ.

С. Маркиш

9

ТРОЕ В ОДНОЙ ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

Перевод М. Салье

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

31

ГЛАВА ПЕРВАЯ

32

ГЛАВА ВТОРАЯ

44

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

51

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

60

5

ГЛАВА ПЯТАЯ

72

ГЛАВА ШЕСТАЯ

83

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

96

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

106

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

120

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

132

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

143

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

155

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

169

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

184

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

197

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

213

6

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

217

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

226

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

234

ТРОЕ НА ЧЕТЫРЕХ КОЛЕСАХ

Перевод М. Жаринцовой

ГЛАВА ПЕРВАЯ

247

ГЛАВА ВТОРАЯ

261

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

275

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

288

ГЛАВА ПЯТАЯ

304

ГЛАВА ШЕСТАЯ

317

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

332

7

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

344

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

359

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

375

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

388

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

402

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

417

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

433

ДЖЕРОМ КЛАПКА ДЖЕРОМ

Читая то немногое, что было написано о Джероме на разных языках, удивляешься, как много злых слов сумели сказать о нем критики. Его книги называли вздорными, его творчество энергично и недвусмысленно определялось как позор английской литературы, как попытка протащить в нее какой-то «новый юмор». «Джером, — писала одна лондонская газета, — это печальный пример того, чем угрожает Англии чрезмерное образование низших классов». Даже сравнительно недавно, уже много лет спустя после смерти Джерома, его имя поминалось с прибавлением эпитетов далеко не лестных: он-де и пошляк, и бестактный, и наблюдательность его — наблюдательность мещанина-обывателя, а «Трое в одной лодке» — шедевр вагонной литературы.

Но если хотя бы половина этих нападок справедлива, то за что же тогда любили и любят Джерома читатели? Почему еще в 1894 году его считали самым распространенным автором во всех англоязычных странах? Почему на обложках приложения к русскому журналу «Вокруг света» за 1912 год значится: «Собрание сочинений неподражаемого английского юмориста Джерома К. Джерома»? Неужели книги Джерома действительно «читиво», а популярность их сродни популярности «Джека Потрошителя»?.. И невольно приходят на память слова, с которыми один древний мудрец обращался к своим ученикам. «Свойственно многим, — говорил он, — подходя к незнакомым людям, прежде всего обращать внимание на недостатки: этот, мол, кос, тот горбат, а вон тот косноязычен.

Вы же старайтесь прежде всего заметить и отыскать в человеке хорошее, ценное, доброе, а недостатки и пороки его от ваших взоров не укроются».

Только одни слабости (а их и в самом деле было немало) и замечали у Джерома суровые критики. Мы тоже не будем закрывать глаза на эти слабости, но прежде всего попробуем рассказать о писателе просто и доброжелательно; главное — доброжелательно, с тем сочувственным пониманием и симпатией, какие неизменно питал Джером к своим героям, — качество, которое не решились поставить под сомнение даже самые строгие и придирчивые из критиков.

* * *

Джером К. Джером родился 2 мая 1859 года в Уолсоле, небольшом городке графства Стаффордшир, Центральная Англия. (Второе имя, Клапка, было дано ему в честь друга семьи Джеромов — венгерского эмигранта Дьердя Клапки.) Его отец был архитектором, но беспокойный, непоседливый характер не давал Джерому-старшему заниматься своим делом. Ко времени появления на свет младшего сына, будущего писателя, он окончательно забросил архитектуру и стал владельцем нескольких угольных шахт, но уже в следующем, 1860 году разорился и был вынужден переехать в Лондон. Вскоре в столицу перебралась и вся семья. Джеромы поселились в Попларе, восточном пригороде Лондона, примыкавшем к трущобам Ист-Энда. Отец занялся сбытом скобяного товара. Ему не везло, дела шли далеко не блестяще. Семье приходилось трудно, однако отец не терял бодрости и надежды на лучшее будущее. От него, вероятно, и унаследовал Джером неистощимый запас энергии, оптимизма и любви к жизни, так же как и склонность к нравоучительным рассуждениям: Джером-старший был страстным и неутомимым проповедником.

Свои школьные годы Джером вспоминает без особенной теплоты. Друзей он в школе не приобрел, занятия не

увлекали его. Зато он много и жадно читал, обшаривая одну за другой маленькие частные библиотеки Поплара. Он полюбил прогулки по лондонским пригородам. Школа находилась далеко от дома, мальчику купили сезонный билет, и это значительно расширило круг его «странствий». Самые разнообразные картины подмечал и запечатлевал в памяти наблюдательный взор Джерома. Он видел и зеленые сельские улочки предместий Лондона, мало чем отличавшихся от деревни, и мрачные грязные закоулки Ист-Энда; видел мужество, доброту, трудолюбие простого люда, а рядом — отвратительные пьяные драки, истязания детей, издевательства над слабыми и немощными, слышал веселые шутки и гнусную площадную брань. Это были первые встречи с жизнью, с ее контрастами нищеты и богатства, горя и радости.

В 1871 году Джером-старший умер, а два года спустя четырнадцатилетний Джером-младший навсегда расстается с учением. Друг покойного отца устроил мальчика клерком в железнодорожную контору. Еще через год умерла и мать. Детство кончилось, пришла пора самому заботиться о себе и о своем будущем. Впрочем, будущее уже, по-видимому, обеспечено. Джером служит, жалованье постепенно растет — чего же еще? Так казалось сестрам, а может быть, поначалу и самому Джерому. Но в нем был жив беспокойный дух отца. Один приятель, клерк из Сити, заразил Джерома любовью к театру, и у него появляется желание попробовать свои силы на сцене. Не бросая службы, он вступает в труппу некоего Вуда, игравшую в помещении цирка неподалеку от Вестминстерского моста. Понятно, роли ему поручают самые скромные, говоря театральным языком — «держат на выходах», но новичок рад и этому. Ему мерещится карьера великого трагика, и вот в один осенний день он бросает свою железнодорожную контору (где получал уже 70 фунтов в год) и поступает в бродячую труппу.

Три года провел Джером на сцене. Немало городов и местечек объездил он, сыграл много ролей. «Я переиграл в «Гамлете» все роли, за исключением лишь Офелии», —

писал он впоследствии. Актерская жизнь оборачивалась к нему всеми своими ликами — и светлыми, и темными. Но тяготы бродячего существования не пугали его. Огорчался он из-за другого. Товарищи по труппе находили у него «всего-навсего» талант комика. «Я мог бы стать хорошим актером. Согласись я довольствоваться смехом и аплодисментами, я бы пошел далеко», — признается Джером в книге «Моя жизнь и моя эпоха». Но ему казалось, что потешать и смешить — дело недостойное. Он хотел волновать людей, приводить их в трепет и в умиление. И вот он бросает театр и едет в Лондон с тридцатью шиллингами в кармане.

Если прежде, в детстве, нищета начиналась сразу же за порогом его дома, то теперь она переступила этот порог. Джером сам сделался частицей Ист-Энда, слился с безликой толпой его обитателей — людей с испытанными лицами и потухшими глазами, которые когда-то окружали мальчика во время его бесцельных блужданий по предместьям. «Это было то окружение, в котором прошло мое детство и которое, по-видимому, наградило меня невеселым и задумчивым характером. Я различаю в вещах их забавные стороны и при случае радуюсь шутке; но куда бы я ни взглянул, во всем я вижу больше печали, чем радости». (Эти меланхолические слова написаны Джеромом уже в старости.) Прославление «честной бедности» не было свойственно Джерому, который слишком близко видел ужасы нищеты в большом капиталистическом городе, и поэтому романтика «дна» и пустого желудка навсегда останется чуждой писателю: «Господа литераторы охотно и много пишут о «дне». Я готов согласиться, что там можно обнаружить и юмор, и пафос, и даже романтику. Но для того, чтобы открыть все прелести «дна», нужно самому находиться на поверхности».

Стремясь выбиться «на поверхность», Джером сменил много профессий. Он был и репортером — из тех, что получали пенни за строку, — и школьным учителем, и секретарем у подрядчика, и агентом-комиссионером, снабжавшим своих индийских клиентов всем необходимым («Это

была забавная работа: я ощущал себя своего рода всеобщим дядюшкой»), и клерком в конторе стряпчего. И одновременно — писал, много и непрерывно писал.

Еще в детстве он мечтал о литературной славе и с волнением прислушивался к словам матери, часто говорившей о высоком призвании писателя. Поступая на сцену, он надеялся приобрести опыт, необходимый драматургу, а теперь, расставшись с театром, засыпал издателей и редакции журналов трогательными и возвышенными рассказами, очерками, повестями и пьесами. Но журналы не торопились познакомить читателя с новым светочем английской литературы. Они упорно возвращали Джерому рукописи, и только однажды газета «Ламп» тиснула его сентиментальную аллегорию о девушке, превратившейся в водопад. (Заметим вскользь, что через несколько дней после этого знаменательного события газета прекратила свое существование.) Неудачи заставляют наконец Джерома задуматься: ведь невозможно, чтобы все кругом были слепы и не способны оценить его литературное дарование, скорее что-нибудь неладно в его писаниях. И он решительно отказывается от псевдоромантической, слезливой патетики. Хватит с него надуманных девиц-водопадов, теперь он напишет о том, что видел и испытал сам. «Я должен рассказать миру историю героя по имени Джером, который однажды бросил все и поступил на сцену». Так родился замысел первой книги Джерома «На сцене и за кулисами» (1885).

Но вот вопрос: о чем расскажет он читателю — о нищете, страданиях и обидах? О несправедливости, которая так больно ранит в юности? О процессиях безработных, проходивших с заунывной песней под окнами их дома в Попларе? Нет, он напишет «о забавных и трогательных вещах, которые с ним приключились». Забавное и трогательное — в этих двух словах программа Джерома, которой он придерживался довольно последовательно. Не то чтобы он нарочито, умышленно отворачивался от мрака и ужасов жизни — мы уже видели, что он всегда помнил о них, и даже троим друзьям, беззаботно плывущим по Тем-

зе в лодке, он покажет тело утопленницы, заставив их задуматься над бессмысленной жестокостью «респектабельного» общества, единодушно отвергнувшего «грешницу»... Но он считал, что жизнь не переделаешь. Один из героев его романа «Пол Келвер» (1902), врач, рассказывает: «На днях я наведалься узнать, жив ли еще один из моих пациентов. Жена его стирала белье в передней. «Что ваш муж?» — спрашиваю. «Кажется, помер», — отвечает женщина. Потом, не прерывая работы, кричит: «Джим, как ты там?» Ответа не последовало. «Кончился», — объявила она, выжимая чулок... Я не одобряю ее, но и не осуждаю. Не я создал мир, и не я за него в ответе». Сам Джером рассуждал, вероятно, менее резко, но и он не пытался докопаться до корней зла, ничего не пытался объяснить ни другим, ни даже самому себе. Правда, зло всегда отталкивало его, но он принимал жизнь такую, какой видел ее или, может быть, какой хотел ее видеть. «Я встречал больше честных и хороших людей, чем злых, — писал он, — и потому предпочитаю думать о первых». А если людям скверно, тяжело, их надо подбодрить веселой шуткой, и им станет теплее, уютнее.

Что говорить, позиция ограниченная, сужающая творческие возможности художника. Но при всей односторонности Джерома ему нельзя отказать в глубокой искренности, неподдельной человечности. Больше того: вне этих двух качеств нам не понять правильно его юмора.

Талант юмориста проявился у Джерома очень рано. Еще школьником он славился среди товарищей как остроумный рассказчик. Юмор неизменно оживлял и его репортерские заметки: «Я выхватывал забавные словечки из пламени пожара, выжимал оригинальность из уличных побоищ, извлекал веселость из самых ужасных катастроф». Он любит смеяться, чувство юмора глубоко присуще его натуре, и он не считает нужным подавлять его, прикидываться серьезным: «Чувства наши от нас не зависят, и я никогда не мог понять, какой смысл вызывать в себе чувство, которого на самом деле не испытываешь». Джером постепенно приходит к твердому убеж-

дению, что, смеясь и потешая, он доставляет людям ту радость, которая скрашивает их трудное существование.

Книга «На сцене и за кулисами» была написана за три месяца (Джером вообще работал очень быстро) и вышла в 1885 году. Издатель принял рукопись на кабальных условиях: за полученный гонорар Джером должен был отказаться от дальнейших авторских прав на нее. Книга не залежалась на магазинных полках. Зато критики встретили ее в штыки. Такого обескураживающего приема это бесхитростное и в меру веселое повествование, разумеется, не заслуживало, однако и громкой славы автору оно не принесло — так же, впрочем, как и вторая его книга — «Мир сцены», увидевшая свет в 1889 году (бывший актер осмеял в ней осточертевшие и зрителям и артистам театральные штампы). Но именно этому году суждено было стать решающим в литературной судьбе Джерома: в 1889 году появились его «Праздные мысли лентяя» и «Трое в одной лодке».

«Праздные мысли лентяя» печатались сначала, очерк за очерком, в ежемесячном журнале «Home Chimes» («Домашний благовест»). Отдельное издание имело неслыханный успех и в Англии, и в Соединенных Штатах. Книгу, по словам самого Джерома, расхватывали, «как горячие пирожки». Еще более восторженно были приняты «Трое в одной лодке». Джером становится одним из самых популярных авторов. Но популярность и признание — не одно и то же: критики единодушно и непримиримо осуждали повесть Джерома. Писатель Израэль Зангвиль, друг Джерома, в одной из своих статей вспоминает: «Когда «Трое в одной лодке» вышли из печати, почтенные теологи и мужи науки останавливали меня на улице и, истерически хохоча, заставляли выслушивать страницу за страницей; позже те же самые господа присоединились к хору негодующих воплей и вздрагивали, услышав имя Джерома». А сам Джером пишет в «Моей жизни и моей эпохе»: «Почему в Англии, единственной из всех стран мира, юмор, хотя бы даже в новых одеждах, всегда ошибочно принимают за незнаком-